

Археологическая сверхдержава

Олег ПУЛЯ

Разбитая посуда приносит удачу, но только археологам.

Агата Кристи

Израиль страна совсем небольшая. Но с точки зрения археологов — настоящая сверхдержава! Бесчисленные ученые и энтузиасты копают здесь с середины XIX столетия — и часто буквально под ногами находят что-то новое (в смысле — древнее). Впрочем, замороженно рассматривая в витринах археологические сокровища, посетители музеев обычно и понятия не имеют, каким трудом добыты все эти бесценные экспонаты. Не знают о раскопках на 30–40-градусной жаре, об ожесточеннейших научных спорах, которые могут разгореться после находки какого-то невзрачного черепка или полустертой монетки. И уж совсем немногие знают о том, кто, когда — и как именно — писал археологическую историю Эрец Исраэль. А раз так, начну с самого неожиданного — с рассказа об очень необычной женщине, которая 200 лет назад при очень необычных обстоятельствах стала здесь самым первым и самым необычным археологом...

Аристократка Эстер Стэнхоуп в 27 лет, в 1803 году, стала хозяйкой дома своего неженатого дяди Уильяма Питта Младшего — человека неординарного и притом премьер-министра Великобритании, занимавшего этот пост в общей сложности два десятилетия. Подобно пушкинскому Онегину, дядюшка «был великий эконо́м» — ну то есть сторонник экономической теории Адама Смита, слыл человеком самоуверенным и надменным, но притом красноречивейшим оратором, а как политик был жесток и эффективен — в числе прочего и потому, что не стеснялся ни гуманностью, ни даже законами. При нем леди Эстер блистала красотой, умом и искусством светской беседы и вскоре стала его личным помощником-секретарем — за что после смерти дядюшки в 1806 году благодарная Британия наградила ее ежегодным пенсионом в 1200 фунтов стерлингов.

Пожив четыре года в Лондоне и Уэльсе и вконец разочаровавшись во всем — тем более что высшее общество демонстративно ею пренебрегало из-за двусмысленности бывшего ее положения, — леди Эстер решила навсегда покинуть невыносимую Англию. И в феврале 1810-го с несколькими спутниками отправилась в продолжительное морское путешествие. Слава летела впереди нее, и в Афинах лорд Байрон бросился в море, чтобы с восторгом приветствовать стихами из волн... Далее был турецкий Константинополь, затем — Каир. На пути, у острова Родос, шторм утопил их корабль, и хотя вся компания во главе с Эстер спаслась, имущества они лишились. Вот тогда и проявился ее характер. Сойдя в Каире с попутного британского фрегата, леди наотрез отказалась надеть паранджу, предпочтя мужское восточное одеяние. Обзавелась халатом пурпурного бархата, шитыми золотом шароварами, саблей, роскошным седлом — и, добившись аудиенции у не чуждого европейскому прогрессу паши Мухаммеда Али, отправилась к нему верхом.

Два следующих года она путешествовала по Ближнему Востоку, была на Гибралтаре и Мальте, Ионических островах и Пелопоннесе, в Ливане и Сирии — не надев паранджу даже в Дамаске. Посетила и Палестину — где в Иерусалиме персонально для нее открыли храм Гроба Господня. Была участницей восстания друзских племен против ливанского эмира Башира Шихаба II и фактической правительницей населенных друзами земель. С вечно дымящейся курительной трубкой, любившая мужские одеяния, а на Востоке щеголявшая в золотом плаще-бурнусе, она много где побывала, даже в России, плюс выполняла загадочные поручения британского правительства в Сирии...

Тут-то и перейдем непосредственно к археологии. На этих дорогах в руки леди Эстер попала

средневековая итальянская копия с записью какого-то сирийского монастыря. И рукопись утверждала, что в древнем палестинском Ашкелоне — разрушенном за полтысячелетия до Эстер — под развалинами мечети спрятан клад в 3 миллиона золотых монет. С учетом всего предыдущего не удивляет, что в 1815 году она заполучила у турецких властей разрешение на раскопки — и десятки чернорабочих дружно воткнули лопаты в иссохшую землю. Увы, чуда не случилось — 3 миллиона золотых так и не нашлись. Но рабочие были рады раскопать для англичанки хоть что-то, и этим чем-то оказалась беломраморная римская статуя — безголовая, но в два с лишним метра высотой. Вот только утром Эстер встала не с той ноги — и потому велела статуе расколотить на тысячу кусочков и утопить в море. Что и было исполнено.

Современная археология, разумеется, проводит эту историю по ведомству курьезов, но так или иначе честь первой археологической экспедиции в Палестине принадлежит именно Эстер Люси Стэнхоуп — эксцентричной светской львице,

усилиями профессора Киевской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии Акима Олесницкого, и итогом стал изданный в 1889 году капитальный труд «Ветхозаветный храм в Иерусалиме». Профессор, кстати, отличался прекраснейшим знанием библейского иврита, и ранее, в 1875-м, им же были изданы «Книги четырех пророков: Исаии, Иеремии, Иезекиила и Даниила» (перевод с еврейского текста с объяснениями). Стоит отметить, что в 1910-х годах предполагалось даже открытие в Иерусалиме русского археологического института.

Но в целом библейская археология вначале занималась не более чем разведкой — наносилось на карты и изучалось лишь сохранившееся на поверхности. Например, первые раскопки в Иерусалиме были предприняты в 1867 году британским

Осколки древних керамических кубшинов с так называемыми LMLK-печатами — свидетельствующими, что эти сосуды со всем содержимым были собственностью царя Иудеи, и почтовые марки в честь первого в независимом Израиле праздника Рош ха-Шана, выпущенные в обращение 26 сентября 1948 года. Надписи на LMLK-печатах, запечатленных на марках, говорят, что этими кубшинами с вином или маслом уплачены налоги в царскую казну.

авантюристке-путешественнице, ум которой восхищал ее дядюшку премьер-министра, а красота поражала звезду английского дендизма Джорджа Браммела... Что же до средневековой итальянской рукописи — это не что иное, как один из первых случаев использования письменных свидетельств в практической археологии...

Само собой, далее подход стал более научным. В Палестине начался период библейской археологии. Так, в 1838 году приступил к исследованиям американский профессор богословия Эдвард Робинсон, описавший многие археологические памятники и отождествивший их с известными по Библии городами. Картографированием и обмером, а впоследствии и раскопками занялись англичане и немцы, французы и русские. С 1865 года стали появляться и солидные научные общества по изучению палестинских древностей — сперва в Великобритании, а затем в США, Германии, Франции и Российской империи.

Интересно, что на эмблеме высочайше утвержденного в 1882 году российского Императорского православного палестинского общества (ИППО) значились слова пророка Исаии (Йешаяу на иврите): «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь». Помимо естественных забот о православных паломниках и археологических раскопок у христианских святых одним из первых проектов ИППО стали научные исследования исторического места Первого Храма. Предпринимались они

офицером Чарльзом Уорреном — но археологическая методика не была еще проработана, и заметных результатов раскопки не принесли. Ситуация поменялась в конце XIX — начале XX века, когда начались раскопки телей — курганов, за столетия возникших на месте древних городов («тель» — холм на иврите).

Если же говорить о точных датах, то археология в современном значении этого слова началась в 1890 году. Именно тогда при раскопках южных предместий Иерусалима британский археолог Флиндерс Питри успешно применил возникшую у него чуть ранее идею о сравнительной датировке древних культур на основе сопоставления фрагментов керамики. А далее вслед за Шлиманом он ввел в археологию понятие стратиграфии — расположения культурных слоев относительно друг друга.

Впрочем, Питри всё же более известен как один из основоположников систематической египтологии. А еще он определил возраст Стоунхенджа, исследовал пирамиду Хеопса, раскопал в Танисе колосс Рамзеса II, уточнил время существования Микенской цивилизации, в 1912 году нашел на Синайском полуострове памятники протосемитской письменности... Самое же интересное — в 1896-м при раскопках в Фивах он обнаружил стелу Мернептаха, известную и как Израильская стела. Это

Подлинная фотография знаменитой печати Шемы, найденной немецким археологом Готлибом Шумахером при раскопках Мегиддо в 1903 году. Каменная, из яшмы печать принадлежала Шеме, правившему в Мегиддо наместнику Иеровоама II — царя, при котором Северное Иудейское царство достигло наивысшего расцвета. Надпись на печати гласит «Шема, слуга Иеровоама», и владелец использовал ее в государственных и торговых делах. Отправленная в музей Константинополя, ценнейшая реликвия 2700-летней давности была загадочным образом утрачена.

самый первый египетский документ, в котором упомянут Израиль (буквально «I.s.i.r.i.a.g» или «Isirial», что ученые толкуют как «Израиль»). Фараон Мернептаха, правивший за 12 столетий до нашей эры, хвастливо сообщил потомкам о своих военных победах, добавив: «Израиль опустошен, его семя нет». Но Мернептаха явно поторопился: минули тысячелетия, и где сейчас все фараоны, вместе взятые? И где сейчас Израиль?!

Многое изменилось после поражения Турции в Первой мировой войне. С 1917 года и особенно после того, как Лига Наций выдала Британии мандат на управление Палестиной, для археологов здесь настал буквально золотой век — как и для всей ближневосточной археологии. Одним из первых принятых законов стал закон о древностях, были созданы органы охраны памятников — и главный из них, Департамент древностей при правительстве Британского мандата. Раскопки велись силами самых разных организаций, от Фонда Рокфеллера до Пенсильванского университета, и в самых разных местах — от Иерусалима до Мегиддо.

Наконец-то сформировалась и собственно израильская археологическая школа. Ярчайший ее представитель — Биньямин Мазар (1906–1995). Получив в 1920-х лучшее образование сразу в трех германских университетах — Берлинском, Марбургском и Гиссенском, он разработал современную методологию исследований библейского периода и исторической географии Палестины. Этот подход был свободен от догматических и апологетических представлений предшествующего поколения еврейских ученых — археологические изыскания Мазара основывались на сочетании исторических и лингвистических принципов.

Разумеется, после Второй мировой войны новая эпоха началась и для археологии Эрец Исраэль. При том что интерес к археологическим изысканиям возник, пожалуй, во всех новых независимых государствах — Израиль, безусловно, главенствовал. И хотя здесь по-прежнему работали американские и западноевропейские ученые — начали разворачиваться также музеи Иерусалима и Тель-Авива, Еврейский университет, Израильское исследовательское общество и другие организации. Руководило ими первое поколение израильских археологов, еще до войны учившихся в США и Европе. Причем израильские археологи использовали методы, западным коллегам несвойственные: они больше внимания уделяли краеведению и сплошному исследованию территорий, углубленно изучали поздний бронзовый век и ранний железный... и, конечно, период Второго Храма.

Неудивительно, что уже первые годы Государства Израиль подарили археологам интереснейшие открытия: начинались исследования свитков Мёртвого моря, было открыто место римского лагеря под Эйн-Геди и в окрестных пещерах найдены останки воинов Бар-Кохбы, изучены руины легендарной крепости Масада, шли раскопки в Тель-Хацоре, в древних Араде и Ашдодде, в Кесарии Палестинской и Старом городе Иерусалима. Но это уже совсем другая история — оставим ее для следующего повествования...